Фиг ли нам, красивым дамам!

Автор:
Екатерина Вильмонт

Фиг ли нам, красивым дамам!

Екатерина Николаевна Вильмонт

«Не родись умен, не родись красив…» Расхожая истина… Героиня романа Ариадна умна, красива, любима, но не чувствует себя счастливой, хотя все кругом твердят, что ей здорово повезло. Однако внезапная встреча расставляет все по своим местам. Теперь Ариадне понятно, где любовь, а где только ее эрзац…

Екатерина Вильмонт

Фиг ли нам, красивым дамам!

© Вильмонт Е. Н., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Ты – как отзвук забытого гимна В моей чёрной и дикой судьбе.

А. Блок

Часть 1

– Дань, ты чего?

– Не понял?

– Ты чего так пялишься на эту тетку?

Данила улыбнулся невесте.

– Ни на кого я не пялюсь. Просто задумался.

– О чем?

– Да не о чем, а о ком.

– И о ком же? – кокетливо спросила Илона.

– О тебе, понятное дело! А ты что, ревнуешь?

– Еще как! Но, конечно, не к этой тетке!

– А по-моему, она вовсе не тетка.

– А кто?

– Дама. Элегантная дама! В возрасте! – добавил он.

Илона улыбнулась.

– Ну то-то же!

Но Данила лукавил. Он глаз не мог оторвать от лица этой женщины.
А про возраст сказал, просто чтобы двадцатидвухлетняя Илона успокоилась.
Женщине было хорошо за тридцать. Смуглая кожа, огромные глаза, чувственный рот и устало-отрешенное выражение лица. Интересно, какого

цвета у нее глаза? Наверное, зеленые. Отсюда не видно. И еще поразительной красоты руки с крупными кольцами. Она медленно пила кофе из большой чашки и лениво ковыряла ложечкой какой-то десерт. Ждет кого-то?

– Дань, я пойду на минутку…

– Иди, только недолго, а то я соскучусь.

Боже, какая женщина! Обручального кольца не видно. Она почувствовала его взгляд, подняла свои фантастические глаза, оказалось, синие, и едва заметно улыбнулась. Не ему, нет. Да я ей триста лет не нужен. А я бы за такую в огонь и в воду. Интересно, какие у нее волосы? На женщине была какая-то сложная повязка, с крупным узлом возле левого уха. Но вот она посмотрела на часы, достала телефон, набрала номер.

– Алло! Иосиф Маркович? Добрый день, это Ариадна.

От ее голоса у него занялось дыхание. Ее зовут Ариадна! Как ей идет это имя.

– Опять пялишься? – раздался веселый голосок Илоны.

О чем Ариадна говорила с Иосифом Марковичем, он уже не слышал.

– Данька, а ты будешь меня презирать, если я закажу мороженое?

– Да! Я оболью тебя презрением! Но чтобы ты не страдала от моего презрения, закажу себе тирамису!

– Данька, я тебя обожаю!

– Взаимно, девушка!

К Ариадне подошел официант, она расплатилась с ним и встала. Данила удивился, она оказалась среднего роста. А он думал – она высокая.

– Стильная штучка, – заметила Илона.

– Ты находишь?

– Да! Каблуки бы чуть повыше. Хотя в ее возрасте уже тяжеловато…

Волна глухого раздражения захлестнула Данилу. Но он сдержался.

Женщина ушла. Чувство невозвратимой потери сдавило сердце. Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты…

Илона с удовольствием уписывала мороженое.

Я ее не люблю, отчетливо прозвучало в голове у Данилы. Он испугался этой мысли – через два месяца предстояла свадьба. Не гони коней, сказал он себе. Илона отличная девчонка, она меня любит, и вообще… Ей двадцать два, она красотка, вроде бы неглупая, вполне хозяйственная, мама ее одобряет. А эта… Надо же, Ариадна… Эту Ариадну я, скорее всего, никогда больше не увижу. Если бы я был художником, я бы писал ее портреты, много портретов, разных… Интересно, зачем на голове у нее эта повязка? Волосы плохие? Или облысела после химиотерапии? Фу, что за мысли! Или я защищаюсь от впечатления, которое произвела на меня эта Ариадна? Похоже на то. На такую женщину никогда не надоест смотреть. И голос ее слышать тоже… Да ладно, Данила, это как в кино – увидал какую-то немыслимую красавицу и стал ее фанатом. Но жить это ведь не мешает. Да и забудется она дня через два.

– Данька, как твое тирамису?

– Что? – очнулся он. – Тирамису? Да не очень. Бывает лучше. Ну что, попросим счет?

– Конечно!

Дни шли, а женщина из кафе не забывалась. Ее лицо, отрешенная улыбка буквально преследовали его. С этим надо что-то делать. Но что? Искать иголку в стоге сена? Время лечит, просто курс лечения может быть более длительным. Раза два он заезжал в то кафе в надежде, что она там завсегдатай, но тщетно.

Навалились дела, командировка в Сирию, а там уж было не до прекрасных незнакомок. А когда он вернулся, Илона закатила ему истерику.

– Ты не должен! Ты не смеешь! Там так опасно! Я ни спать не могла, ни есть! Даня, если ты меня любишь, умоляю, перейди на другую работу! Хорошие журналисты везде нужны! У меня же минуты спокойной не будет! А если у нас ребеночек родится? Беременным нельзя волноваться!

– Ты разве беременна?

– Пока нет, но мы же поженимся, и тогда…

– И тогда, ты полагаешь, я пойду работать в глянцевый журнал, писать отчеты о светских вечеринках? Так это тоже небезопасно. Знаешь, я однажды слышал, как рычал Никита Джигурда. По мне, так разрывы снарядов и то благозвучнее.

– Вечно ты все сводишь к шутке, а я серьезно…

– Знаешь, я тоже серьезно. И имей в виду – я военный корреспондент, я люблю свою профессию, а если ты боишься волнений, так не будем жениться, ищи себе мужа, более приспособленного для твоего душевного комфорта.

Она заплакала. Его охватила тоска.

– Даня, сейчас такое тревожное время…

– И что? По-твоему, я, молодой мужик, должен спрятаться под стол и держаться за твою юбку? Но я, возможно, через год-другой уже наиграюсь в войнушку и с кайфом буду вести какое-нибудь идиотское ток-шоу. А пока мне рано!

Он еще никогда не говорил с нею так жестко. Она испугалась.

– Хорошо, я понимаю. Ты, конечно, прав. Просто я так тебя люблю!

– Если любишь, запомни: на меня нельзя давить, я этого в принципе не приемлю. В принципе! А уж в том, что касается моей работы, тем более. Все. Закрыли тему.

Она испуганно на него взглянула. Он никогда еще так с нею не говорил.

– Данечка, я… Ты прости, я не собиралась на тебя давить, просто боюсь за тебя…

– Знаешь, мама тоже за меня боится, но…

– А тебе-то самому не бывает там страшно?

– Ну почему же… Бывает. Еще как! Но я уже не могу без этой работы. И знаешь, если бы я даже поддался на твои уговоры и сменил работу, ты бы меня через два месяца возненавидела. Я ведь могу быть поистине кошмарным типом, когда мне скучно, такое могу вытворить! Мало не покажется!

– Значит, тебе со мной скучно?

– Дело не в тебе. Мне с самим собой скучно вне моей работы. Месяц – это максимум, который я могу выдержать. И если мне не изменяет память, я тебя предупреждал, когда речь зашла о свадьбе.

– Ладно, Данечка, я все поняла. Но ты же меня любишь?

– Да люблю, люблю…

О господи, неужели все бабы задают этот идиотский вопрос? Интересно, та женщина тоже задает его? Уверен, что нет. У нее просто нет сомнений, что любой мужик, до которого она снизойдет, будет помирать от любви. Тьфу ты, что за наваждение! Больше месяца прошло, а она все не забывается.

– Данчик, ты папе сообщил о свадьбе? – спросила мама.

– Конечно. Обещал приехать.

– Вот и славно. Он тебя не отговаривал от женитьбы?

– Да нет, – засмеялся Данила. – Просто удивился. И спросил: «Ты совсем дурак, что ли?»

– Да, твой отец, когда мы разводились, сказал: «Больше я на эти грабли наступать не буду!» И, как видишь, держит слово. Сынок, а ты… Ты уверен, что хочешь жениться?

– Ты почему спросила? Тебе же нравилась Илонка?

– Она мне и сейчас нравится. Хорошая девочка. Толковая, неглупая, тебя любит… Ну и хорошенькая, как картинка. Просто она на днях звонила, была грустная… Ты ее ничем не обидел?

– Да вроде нет. Просто она… Короче, она потребовала, чтобы я поменял работу, а для меня это неприемлемо.

– Она именно потребовала?

– Да не то чтобы категорически потребовала, но дала понять… Вполне недвусмысленно. Да еще и со слезами. Ты бы, мамочка, объяснила девушке, что со мной такое не проходит.

Инна Львовна грустно покачала головой.

– Если бы ты знал, как я сама этого хочу!

– Я знаю. Но ты же не давишь на меня.

– Потому что знаю – ты все сделаешь наоборот. Сам полезешь к черту в зубы. Лучше уж помолчать.

– Так вот и объяснила бы Илоне, если она так тебе нравится.

– А разве тебе она не нравится? Уже не нравится?

– Да я не знаю…

– Данька, если так, то лучше не надо!

– Ох, мама… Там уже полным ходом идет подготовка к свадьбе. Да и жалко Илонку. В сущности, она хорошая, да и пора мне семью заводить. Хочется уюта, когда возвращаешься из командировки. Да и обрыдла мне холостяцкая жизнь, тридцать два уже. И родители у Илонки славные люди, интеллигентные, милые…

– Все так, Данечка, все так, но в твоем тоне слышится обреченность. Ты ее не любишь?

– Откуда я знаю?

– Данька, колись, ты встретил другую женщину?

Он испуганно взглянул на мать.

– Колись, Данька. Легче будет. Кто она?

– Знаешь, мама, это такая идиотская история. Собственно, даже и нет никакой истории.

И он рассказал матери о прекрасной незнакомке.

– И ты ровным счетом ничего о ней не знаешь?

– Только имя. Ариадна.

– Ну, сынок, это чепуха! Пройдет. И не вздумай ломать себе и Илонке жизнь из-за такой ерунды. Ты молодой мужик, в Москве прорва красивых женщин, всех ведь не догонишь. И потом, ты-то ей глянулся?

– Да нет. Она заметила, как я на нее глазел, и чуть заметно улыбнулась, но не мне, а так…

– Кажется, это у Блока: «И этот влюблен!»? Словом, «Дыша духами и туманами»?

– Нет, скорее «Я помню чудное мгновенье».

– О, тогда у тебя есть шанс! – рассмеялась Инна Львовна.

– Почему?

– Ну, «наше всё» посвятил эти стихи Анне Петровне Керн, а в его дневниках есть запись: «Сегодня, с Божьей помощью, употребил Анну Петровну Керн!»

– Ну, мама, ты даешь! Хорошо, что твой муж тебя не слышит! Он был бы недоволен. Плохо влияешь на молодое поколение.

– Глупости! Он, конечно, препод, но с чувством юмора у него все в порядке. Иначе я ни за что не вышла бы за него замуж.

– Да, отсутствие чувства юмора – тяжелый диагноз.

– Но у Илонки твоей есть это чувство. А у прекрасной незнакомки его может и не быть.

Так что живи спокойно. И запомни: делай, что должно, и будь что будет. Если судьбе будет угодно, она может снова столкнуть тебя с этой женщиной. Ты ведь даже не знаешь, москвичка ли она. И женись уж на своей девочке. Она будет хорошей женой.

– Спасибо, мамочка! Ты умеешь врачевать мои душевные раны.

– Это не рана, парень, так, легкая царапинка.

Разговор с матерью и впрямь помог. Он стал придумывать, какие еще непереносимые для него недостатки могут обнаружиться в Ариадне. Неряха, дура, без чувства юмора, патологическая скупердяйка, наглая как танк, умеющая говорить только о диетах и личной жизни знаменитостей. Ужас какой! Зачем тогда эта красота при таком букете? Через сутки уже стошнит.

И он успокоился.

Время неумолимо приближало день свадьбы. Незнакомка почти забылась.
Дня за три до торжества позвонил отец.

– Данька, прости старика, не смогу приехать на свадьбу, ногу подвернул, она распухла, еле ползаю, а приезжать в Москву инвалидом, ей-богу, не хочется. И если на свадьбе не можешь танцевать с молодыми красотками, это горько и обидно. Уж не взыщи, сын! К тому же ботинки не налезают. Словом, невезуха. А у вас свадебное путешествие планируется?

– Ну да, конечно.

– И куда, если не секрет?

– В Италию.

– А чего так горестно это прозвучало?

– Да нет. Я бы лично предпочел дома посидеть.

– А невеста жаждет в Европу, так?

– Ну да. А я, кстати, в Италии еще не был. Так что даже рад…

– А вы надолго?

– На две недели.

– Может, на обратном пути заскочили бы ко мне? Я бы познакомился со своей снохой.

– Боюсь, не выйдет. У меня потом сразу командировка.

– Опять в горячие точки?

– Точно еще не знаю.

– Ну ладно, тогда я, как нога пройдет и ты будешь в Москве, непременно прилечу. У меня для вас роскошный свадебный подарок! Я бы мог прислать его непосредственно к свадьбе, но хочу увидеть ваши радостные мордахи не по скайпу. Как мама?

– Как всегда остроумна.

– А ей твоя невеста нравится?

– Да, нравится.

– Это хорошо. Впрочем, я всегда знал, что она будет хорошей свекровью.

– Да Илонка уже в ней души не чает!

– О! Значит, ты везучий парень, Данила Кульчицкий!

– Тьфу, тьфу, тьфу!

– Разумеется, плюю три раза через левое плечо! Все, сын. Целую тебя и желаю счастья в семейной жизни!

А в день свадьбы молодым доставили роскошную корзину цветов и старинный резной сундучок, полный швейцарского горького шоколада. И записочку: «Чтобы этот шоколад был самой большой горечью в вашей жизни!»

Данила был растроган. Илона пришла в восторг.

– Какой твой папа изысканный! Жажду с ним познакомиться! Вообще, твои родители – это улет!

– Твои еще лучше!

– Почему?

– Потому что они вместе, уже серебряную свадьбу сыграли. А мои аж в разных странах.

– Тебе от этого грустно, Данечка?

– Да так, самую чуточку, – улыбнулся он невесте.

– Я люблю тебя, Данечка! И я так сегодня счастлива!

– Вот и хорошо. Я тоже счастлив! – сказал он. Хотя ему показалось, что это прозвучало как-то неубедительно. Но, к счастью, Илона этого не заметила. Она была так очаровательна в коротком платье цвета сливок и с изящным веночком на голове. Когда речь зашла о свадебном платье, Илона сразу заявила, что ни за что не хочет длинное платье.

– Зачем? Чтобы оно потом пылилось в шкафу и занимало место? А в коротком я, как говорится, и в пир и в мир.

Инна Львовна весьма одобрила это решение, да и мать Илоны тоже.

Хорошо, что девочка практичная, решили обе сватьи.

Кстати, между ними установились самые добрые отношения. И это залог счастливой семейной жизни, решил Данила. А отец Илоны и отчим Данилы оба оказались страстными болельщиками «Спартака», и им всегда было о чем поговорить, тем более что любимая команда в последние годы приносила им в основном огорчения. Но даже мысли изменить «Спартаку» у обоих не возникало.

Свадьба была не слишком многолюдной – сорок пять человек – и очень веселой. Никто не напился до безобразия, никто не подрался, не было дурацкого тамады, его роль взял на себя дядя Илоны, известный киноартист, и блестяще справился с задачей. Он был весьма остроумен, и все хохотали до слез.

– Данька, какая чудная свадьба, даже не ожидала, – сказала сыну Инна Львовна. – Я вообще не люблю свадьбы, но тут… Дай вам Бог всякого-всякого счастья!

– Спасибо, мамочка!

И они улетели в Рим.

Прошло три месяца. Данила и его ближайший друг Федор, оператор, с которым они работали вместе уже два года, возвращались из очередной командировки, и в силу погодных условий им пришлось задержаться в миланском аэропорту. Командировка была трудной, оба вымотались страшно, и хотелось поскорее попасть домой. А вылет раньше чем через пять часов не обещали.

– Может, съездим в город, поглядим, а, Данила?

– Да ну его на фиг! Был я в этом Милане, не хочу! – Он вытащил из рюкзака планшет. – На вот, гляди, все миланские достопримечательности тут есть! Хотя ты, конечно, скажешь, что я все бездарно снял. А впрочем… Чем тут торчать, поехали, поужинаем в хорошем кабачке, граппы дернем.

– А вечером нас туда в таком виде пустят?

– Да хоть с пером в заднице! Очень демократичное заведение. И кормят вкусно. Хотя Илонке там не понравилось. Но я проперся.

– Поехали. Жрать охота.

Они взяли такси и через сорок минут высадились на площади у ресторана. Там стоял такой шум, что оба, не сговариваясь, скривили рожи.

– На фиг этот график! – сказал Федор. – На отдыхе хочется тишины. А то с нашей работой… В аэропорту тоже шум.

– Согласен. Ладно, время есть, поищем чего потише.

Вскоре им попался небольшой и с виду вполне уютный ресторанчик.
Они поглядели на выставленное на улице меню.

– Отлично. Тут есть оссобукко. Обожаю! – решил Данила.

– Ага, я тоже люблю! Мяса хочу! А то моя девушка вегетарианка, черт бы ее взял! А твоя Илона мясо ест?

– Да.

– Повезло тебе, брат! А моя все канючит – женись да женись. Но я на такое не подписывался. На фиг мне жена-вегетарианка?

– Так скажи ей!

– Говорил уж. Она думает, я прикалываюсь.

– Дура, что ли?

– Набитая.

– Так какого хрена ты с ней время теряешь?

– Да привык… А здесь хорошо. Уютно.

– Согласен. Слушай, Федя, вот мы с тобой вроде друзья…

– Почему вроде? Мы таки, да, друзья, как говорит Матвей Юрьевич. А в чем дело?

– Почему ж ты меня со своей девушкой так и не познакомил?

– А тебе оно надо?

– Ты что, ее стыдишься?

– Да нет. Понимаешь, она, как бы это сказать, для внутреннего употребления, не экспортный вариант.

– Слушай, Федька, кончай дурью маяться, найди себе нормальную…

– А нормальная на меня клюнет, что ли? Кому я, такой бродячий пес, сдался?

– А я? Тоже бродячий пес, а вот сдался же Илонке. Федь, ты чего там увидел, а?

– Слушай, там баба сидит… Охренеть!

– Что, красивая?

– Не то слово! Как в неореалистическом кино… Такую надо снимать…

– Феденька, а ты у нас оглядись. Такие красавицы бывают. И начни вместо репортажей с места событий снимать красавиц. И денег будет поболее, и опасности меньше в разы…

– Да ладно, у нас таких лиц не бывает. Это какая-нибудь итальянская графиня, там небось десять поколений аристократов…

– Вот тут ты не прав, братишка! Я вот в Москве, еще до свадьбы, был с Илонкой в кафе, и чуть не ошизел, да что там, просто ошизел. Уставился на нее, как идиот, Илонка даже ревновать начала…

– И что?

– Да ничего. Что я мог при Илонке? Единственное, что я узнал, как ее зовут.

– И как?

– Ариадна. И забыть ее не мог. Вот только в последний месяц как-то не вспоминал. А тут ты со своей аристократкой. Надо бы и мне на нее глянуть.

– Да они уже уходят.

Данила обернулся. И чуть не вскрикнул. Это была Ариадна. И с ней немолодой мужчина, весьма импозантного вида.

– Это она… – пробормотал он. – Это Ариадна!

– Та самая?

– Та самая. С ума сойти…

– Данька, значит, она никакая не итальянская аристократка, а просто московская красавица?

– Кто знает, московская ли? Но русская, это точно.

– Да, сногсшибательный бабец!

– А в рыло не хочешь?

– Это за бабца? – расхохотался Федор. – Да, брат, ты влип. А еще женатик! Ну, ладно, давай выпьем за ее красоту!

– Давай!

Они выпили.

– Федька, как думаешь, реально найти в Москве женщину только по имени?

– Сиди! – Федор вдруг вскочил и ринулся к выходу. Вернулся минут через пять с чрезвычайно довольным видом.

– На вот, держи! – Он протянул Даниле смартфон. Там была фотография Ариадны. – Имея портрет и имя, уже можно искать.

– Но как тебе удалось?

– Элементарно! Обогнал, бухнулся на колени и попросил разрешения запечатлеть такую несравненную красоту. Мне показалось, ей было приятно.

– Ну ты даешь! Спасибо, ты настоящий друг.

– Я только хочу напомнить тебе, Данилка, что ты так, на минуточку, молодой муж.

– Да я помню. И потом, я-то ей зачем сдался? И искать ее я не стану. Но за портрет спасибо. Сбрось мне на мыло.

– А если Илонка увидит?

– Не увидит. Я все запаролю.

– А она уже не такая молодая. Ей лет под сорок.

– И что?

– Да так…

– Слушай, а что за мужик с нею был?

– Мне показалось, это деловой контакт. Он итальянец. Посадил ее в такси и ушел.

– Федь, может, тебе в ФСБ в наружку проситься?

– Непременно попрошусь! Кстати, обручального кольца она не носит.

– Да, я еще тогда это заметил. Интересно, кто она?

– Да мало ли…

– Нам, пожалуй, пора в аэропорт.

– Ох, и вправду! Рванули!

Всю дорогу до Москвы, стоило ему закрыть глаза, он видел лицо Ариадны. Как человек, постоянно имеющий дело с опасностью для жизни, он был фаталистом. И решил: я не сделаю ни единого шага, чтобы найти ее, но если это судьба – жизнь еще сведет нас. И успокоился.

Дома было хорошо. Чисто, уютно, вкусно. Илона сияла молодостью и красотой. Наверно, это и есть семейное счастье? Не хватает еще упитанного малыша, чтобы он тянул к нему ручки в перевязочках и лопотал: «Папа! Папа!» И тогда будет полный комплект… Но Илона и слышать о ребенке не желала.

– Пойми, Даня, ну не могу я рожать, пока ты на этой чертовой работе! Боюсь! Знаешь, как я трясусь от страха, когда ты то в Сирии, то в Донецке, то еще где-то… А если, не дай бог, с тобой что-то случится? Мне даже как-то приснилось, что тебя взяли в плен эти… игиловцы и накинули тебе мешок на голову… – Она начинала плакать. – Какой ребенок, о чем ты говоришь? Вот уйдешь с этой работы, тогда сразу… А пока и не мечтай!

– А зачем ты замуж за меня вышла?

– Потому что люблю тебя, дурака проклятого!

– А между прочим, если меня убьют, у тебя хоть ребенок от меня останется.

Она подняла к нему заплаканное личико.

– Это ты так шутишь, да?

– Шучу, конечно, шучу! – поспешил он успокоить ее. – Ладно, обещаю, что года через два подумаю о другой работе, а пока уж потерпи!

– Потерплю. И ты потерпи без ребеночка.

– Потерплю. Я еще молодой, а ты и вовсе не дозрела до сознательного материнства. Все, закрыли тему. А скажи-ка мне, жена, нет ли у тебя нормальной подружки для Федора?

Илона удивилась.

– А у него вроде есть девушка?

– Не годится она ему.

– А он что, жаловался?

– Ну не то чтобы жаловался, но мне его жалко стало. Мается парень. Вегетарианка она. И к тому же набитая дура.

– Значит, надо искать умную мясоедку? – засмеялась Илона.

– В точку, любимая!

– Ладно, я поскребу по сусекам. Федька парень видный… И вообще хороший. Я подумаю.

На другой день, придя с работы, Илона спросила:

– Дань, ты завтра вечером занят?

– А что?

– Мне досталось два билета в театр. На новый музыкальный спектакль.

– Где?

– В Стасике!

– Ох, нет, прости, но я это как-то плохо перевариваю. Ну не сердись, пойди с какой-нибудь подружкой.

– Ну Дань!

– Умоляю, сжалься!

– Так и быть, но останешься без ужина.

– Не вопрос! С голоду не помру. Или смотаюсь к маме.

– Я вообще-то думала пригласить твою маму в театр.

– Заговор? Ладно, идите! Культюрницы вы мои!

– Культюрницы? Это еще что такое? – рассмеялась Илона.

– А это я когда работал в Израиле, у нас был водитель, родом из Запорожья, вот он сказал, что у них эти розеточки для пакетиков спитого чая называются культюрницы.

– А что! Клевое словечко!

– Между прочим, у нас в доме, по-моему, нет ни одной культюрницы.

– А у нас и чая в пакетиках нет.

– Ну да, да, ты же образцовая хозяйка, а у образцовых хозяек чая в пакетиках быть не должно!

– Ты же сам терпеть не можешь чай в пакетиках!

– Да я же шучу… Давай, звони маме.

Инна Львовна с восторгом согласилась пойти в театр. А Данила обрадовался. Дружба свекрови и невестки – вещь весьма полезная в семейной жизни.

– Да, кстати, я сегодня на работе поспрашивала девчонок насчет твоего Федора. Пока что-то желающих не нашлось. То есть нашлись две, но обе вегетарианки. Причем одна из них вообще веганка.

– Любимая, а ты не подашься в вегетарианство? А то я умру!

– Живи спокойно, я мясоедка даже по группе крови.

– Слушай, у меня идея! Давай я завтра заеду за вами в театр и повезу куда-нибудь поужинать? Как тебе такой вариант?

– С восторгом принимается!

В ресторане женщины без умолку восторгались спектаклем, голосами, оформлением, хореографией.

– Как хорошо, Данька, что ты не пошел, – смеялась Инна Львовна, – я давно такого удовольствия не получала.

– Я тоже! Такая красота… А костюмы, умереть не встать!

– Рад за вас, мои дорогие культюрницы!

– Знаю, меня уже Илонка просветила, – хохотала Инна Львовна.

– Как мне хорошо с вами, мои самые любимые женщины! – умилялся Данила.

Короче говоря, вечер прошел прекрасно.

Завезя мать домой, они поехали к себе.

– Знаешь, Данька, я все-таки хочу, чтобы ты посмотрел этот спектакль!

– Здрасьте, приехали!

– И сама бы еще разок с радостью… Нет, ты просто обязан! Я уверена, на сто процентов, что ты пропрешься! Это такой восторг! Сейчас еще есть некоторые премьерные шероховатости, а вот месяца через два… Обещай мне, что пойдешь!

– Ладно, обещаю!

Они провели чудную ночь, а утром Илона умчалась в фитнес-клуб, так как была суббота, а Данила, приняв душ, решил приготовить свое любимое блюдо – печеную картошку. В аэрогриле на это уходит минут двадцать. На журнальном столе он увидел толстую глянцевую тетрадку – программу вчерашнего спектакля. Он лениво полистал ее. И чуть не закричал, увидев портрет Ариадны. Неужели это она? Да! Ариадна Замчевская, художник по костюмам. Ариадна Замчевская… Сердце колотилось как бешеное. Я нашел ее! Ну, пока еще не нашел, но это уже абсолютно реально. А зачем? Зачем она мне? Чтобы разрушить только недавно возникшую семью? Или вовсе сломать жизнь? Да с чего я взял, что она вообще со мной свяжется? Она театральный человек, вокруг нее такие знаменитости, такие красавцы крутятся. А может, она вообще лесбиянка? Запросто! А я тут с ума схожу. Уже готов бросить к ее ногам все. Да бросать-то мне особо нечего… А она достойна королей. Однако нестерпимо хотелось узнать о ней побольше, и он бросился к компьютеру. Так, Ариадна Максимовна Замчевская, родилась в Москве в 1976 году в семье художников. Окончила художественный факультет Школы-студии МХАТ. Дважды была замужем. Работала в театрах России, Франции, Германии, Канады… Отдает предпочтение музыкальным спектаклям. Ее оформление «Волшебной флейты» Моцарта в Брюссельском оперном театре принесло ей европейский успех и множество международных премий.

Так… Звезда европейского масштаба. И на кой ей сдался такой парень, как я? Вот разве что я моложе на семь лет. Да собой вроде недурен. И еще я в глазах некоторых женщин романтический герой… Идиот ты, а не герой! Конченый мудак! Влюбился в тетю с картинки. Все! Забудь! Твоей работой нельзя заниматься в состоянии раздрая. Запросто схлопочешь или пулю, или осколок снаряда. А от этой женщины тот еще раздрай будет… Но я же решил забыть о ней, если не встречу. А я разве встретил? Фотка в программке – это не встреча, это химера.

Но мысль об Ариадне мешала жить, как заноза. С этим надо что-то делать! Но тут, к счастью, его отправили в Египет, и он приказал себе забыть о ней. И вроде бы забыл. Отсняв необходимый материал, они с Федором собрались

домой, но тут Данила получил сообщение от отца. Тот писал: «Здорово, сын! Твоему старику послезавтра стукнет пятьдесят пять, цифра, так сказать, некруглая, но все-так и хотелось бы в сей скорбный день увидеть единственного сына. Если сможешь, заскочи хоть на денек! Твой старый папка. P. S. Да, заодно отдам тебе твой свадебный подарок!»

– Федюня, как насчет заезда в Берлин?

– В Берлин? А чего там делать?

– Да у папаши день рождения, пятьдесят пять, зовет отметить. Берлин, кстати, классный город!

– Да я-то тут при чем? Нет, лети один! Не люблю быть довеском.

– Федька, какой довесок? Ты мой лучший друг!

– Твой друг, а не твоего папы. На фиг я ему сдался? Да и был я в Берлине. Не вдохновился…

– Ну, что с тобой делать…

И Данила полетел в Берлин. Он давно не видел отца, да и в Берлине хотелось побывать.

Отец Данилы, Андрей Викторович Кульчицкий, был очень известным композитором, весьма популярным на Западе. В Германию он перебрался в начале двухтысячных. В Берлинском оперном театре ставили его оперу, он поехал туда для работы с постановщиком, да так там и осел. С матерью Данилы он уже тогда развелся. Данила был на многое обижен и даже хотел взять фамилию матери. Но с годами все сгладилось, тем более что Инна Львовна вскоре вышла замуж и частенько говорила: «Как мне повезло, что Андрей меня бросил! Жить с композитором человеку, ни черта не смыслящему в музыке, – пытка!» К тому же отец был очаровательным человеком, легким и общительным, а у Данилы началась своя бурная жизнь, и лелеять прежние обиды казалось попросту глупым. И он с удовольствием предвкушал двухдневное общение

с отцом.

Отец встречал его в аэропорту.

– Ох, ты и герой! Просто Джек Лондон! Или нет, Хемингуэй! Девушки от тебя небось мрут?

– Да ну, папа! В наше время у девушек другие приоритеты! – смеялся Данила. – Пап, ты своим приглашением застал меня врасплох, я не успел купить тебе какой-то достойный подарок…

– Ой, брось!

– Но все же я привез тебе одну безделушку, я в этом не очень разбираюсь, но вот, глянь…

– О! Запонки! Отлично, Данька! Я как-то их не носил, но мне тут одна подруга подарила полдюжины шикарных рубашек под запонки! Здорово! Спасибо!

Данила обрадовался, хотя, зная отца, вполне мог предположить, что тот все это придумал на месте, чтобы не огорчить сына. Кто это в наше время дарит полдюжины рубашек? Как-то странно…

У отца была большая квартира на тихой улице неподалеку от Курфюрстендамм.

– Знаешь, я подумываю о том, чтобы перебраться в Потсдам.

– Но почему? Тебе же так тут нравилось!

– Шумно стало. Да и гей-парады замучили, такая пакость… Я один раз чуть на самолет не опоздал из-за них. Да и вообще… Засиделся я тут. А в Потсдаме присмотрел прелестную квартирку. Там тихо, да и воздух куда лучше. И до Берлина недалеко. Ну вот, располагайся, я покормлю тебя обедом, а вечером будем праздновать полуюбилей в шикарном ресторане.

– Вдвоем?

– Я сперва думал, что вдвоем, но как выяснилось, тут сейчас в командировке одна моя подруга, она сегодня позвонила, поздравила, ну, я ее и пригласил. Очаровательная женщина, умная и красивая.

– Это она дюжину рубашек подарила?

– Нет, не она. И не дюжину, а полдюжины, – рассмеялся отец.

А он еще хорош, подумал Данила.

Отец всегда превосходно готовил. Вот и сейчас он поставил на стол фарфоровую супницу – он был еще и эстетом.

– Твой любимый суп, Данилка!

– Ой, с клецками! Ммм! Обожаю! Слушай, у тебя даже вкуснее, чем у мамы, клецки нежнее! Спасибо, пап!

– А твоя жена не делает тебе суп с клецками?

– Делает, но редко. Пап, я хочу добавки!

– Ешь, милый! – обрадовался Андрей Викторович.

На второе была нежнейшая телятина, запеченная с каким-то соусом и овощами.

– Специально для тебя готовил.

– Блеск!

– Как приятно кормить голодного сына! Ну, рассказывай!

– Что рассказывать?

– Да все! О жене, о твоей сумасшедшей работе, о маме.

– Ох, пап, я как-то не умею!

– Не придуривайся, я же смотрю твои репортажи, у тебя отлично подвешен язык, у тебя нестандартный подход к событиям…

– Ну, значит, о работе говорить не буду, ты видишь ее результаты. Мама, кажется, вполне довольна жизнью, с моей женой они дружат, иногда вместе куда-то ходят…

– Ох, совсем забыл! – хлопнул себя по лбу Андрей Викторович. – Я сейчас. – Он вскочил, на минутку вышел из комнаты и вернулся с красивой тонкой папкой. – Вот, держи!

– Это что?

– Свадебный подарок.

Данила открыл молнию. В папке лежал файлик с какими-то документами и кожаный футляр для ключей.

– Ключи… Что это, папа?

– Это черная «бэха»!

– «Бэха»? Мне?

– Тебе, у тебя же свадьба была.

– Но я…

– Я знаю, у тебя есть машина, а это будет семейный автомобиль. Впрочем, как ты захочешь. Твоя жена машину водит?

– Ох, папа, спасибо! – вдруг просиял Данила. – Это царский подарок!

– Ну, так у меня всего один сын!

– Я сам на ней буду ездить, а свою «шкоду» отдам Илонке.

– Да, получишь машину в Москве, в техцентре «БМВ».

– Круто!

– Какой же ты еще мальчишка! – умиленно покачал головой отец. – Скажи, а я внуков дождусь? Пора уж тебе. Четвертый десяток как-никак.

– Да я хочу, но Илонка мне ультиматум поставила: не родит, пока я на этой работе. А я… я люблю эту работу…

– Адреналин?

– Не в том дело, ради адреналина можно с парашютом прыгать. А я чувствую… может, это старомодно звучит… что я должен… потому что могу. Понимаешь? Не могу, потому что должен, а, наоборот, должен, потому что могу.

– Молодец, сын! Я понимаю. Ты мужик! С большой буквы!

– Ладно, папа, пафос не нужен. И, кстати, мама меня понимает. У меня хорошая физическая подготовка, я все-таки десантник…

– Да, сын, я тобой горжусь… Хоть это не мои гены, но твой дед был таким же. Ох, он сейчас гордился бы внуком. Но детей все равно надо родить.

– Вот приезжай в Москву и объясни это своей снохе. Авось мнение знаменитого композитора повлияет.

– Слушай, сын-герой, а у тебя есть с собой что-нибудь поприличнее этой твоей одежки, а?

– Да не очень… Все походно-полевое!

– Тогда подымайся и пойдем что-нибудь купим, а то в тот ресторан, который я заказал, в таком виде вряд ли пустят.

– Сильно пафосный?

– Есть такой момент.

– Надеюсь, без смокинга обойдемся? А приличный костюм мне давно надо купить. И еще… Я хочу что-то привезти Илонке, только, чур, за все это я плачу сам! Иначе просто не пойду.

– Ну, что с тобой делать…

– А вот твои советы мне явно пригодятся, одежка – это не моя сфера.

– Отлично, воспользуемся тем, что я еще не переехал, тут рядом все нужные магазины. Но мы, пожалуй, пойдем в «Карштадт».

Вскоре был куплен отличный серый костюм, три рубашки, туфли, носки и галстук.

– Пап, а галстук обязательно?

– Желательно. А что, в Москве у тебя не бывает ситуаций, когда без галстука нельзя?

– Бывают, но не часто. Пап, а что купить Илонке?

– Ты ее размеры знаешь?

– Ох, боюсь не попасть.

– Тогда купи ей хорошую дорогую сумку. Женщины обожают дорогие сумки.

– Я мало что в этом понимаю.

– Сейчас задача сильно упрощена. Сумка может существовать сама по себе.

– Это как?

– Ну, раньше сумку подбирали к туфлям или еще к чему-то, а сейчас можно к любому платью взять, например, красную сумку или лиловую. Не промахнешься.

– А ты откуда все это знаешь?

– От дам.

– Понял! Дамский угодник!

В результате по совету отца он выбрал очень красивую сумку из мягчайшей кожи абрикосового цвета. Продавщица сказала, а отец перевел, что сумка подойдет к абсолютно любому летнему наряду.

– Фу, как я устал, – пожаловался Данила. – Ненавижу магазины.

– А я, признаться, люблю. Я ведь рос и мужал в эпоху жесточайшего дефицита.

– Хорошо, что тут так близко от твоего дома.

– Знаешь, меня удивляет, что даже многие женщины заказывают себе одежду по Интернету. По-моему, это неинтересно…

– Илонка тоже не любит по Интернету. Говорит, что ей надо все пощупать, понюхать.

– Значит, настоящая женщина. И она такая хорошенькая! Детки должны быть красивые. Объясни ей, что никто не знает, где тебя судьба подстережет – на театре военных действий или в подъезде собственного дома.

– Пытался. Бесполезно.

– Подозреваю, это просто отговорки. Не хочет она пока детей.

– Думаешь?

– Думаю, сын. А впрочем, это все не мое собачье дело.

– Ох, надо, вероятно, купить еще небольшой чемодан, а то в мой рюкзак вся эта роскошь просто не влезет.

– Не надо, я дам тебе отличный чемоданчик. Очень вместительный, легкий, удобный.

– Так он тебе самому нужен!

– Да нет, знаешь ли… Я уж староват для такого чемодана. И вообще, он скорее дамский, – смущенно пробормотал отец.

– Дамский?

– Ну да. Кстати, он совершенно новый, для твоей жены в самый раз.

– Господи, что ж это за чемодан? – рассмеялся Данила.

– Оранжевый, в крупных ромашках.

– Матерь божья! Откуда у тебя такой?

– Одна идиотка подарила.

– Ты имеешь дело с такими идиотками?

– Она моя поклонница. И прислала мне этот чемодан в прошлом году ко дню рождения. А молодой хорошенькой женщине такой в самый раз. Он очень хорошей фирмы, дорогущий. Если тебе уж совсем западло с таким ехать, обмотай его в аэропорту пленкой.

– Да нет, пап, я без предрассудков. Какая мне разница, что обо мне подумают чужие люди?

– Слава богу, ты умнее своего отца!

При виде чемодана Данила расхохотался.

– Супер! Красотища! Такой китч! Но Илонке, скорее всего, понравится. Она вечно навязывает на чемодан какие-то ленточки, а такую красотищу ни с чем не спутаешь. Я в восторге!

– Ну, папа, где же твоя дама?

– Она что-то задерживается. Вообще-то она на редкость пунктуальна. Как бы чего не случилось! О! А вот и она! Как всегда восхитительна!

У Данилы оборвалось сердце. К их столику в сопровождении метрдотеля подходила Ариадна! Отец вскочил и бросился к ней. А Данила с трудом поднялся и стоял столбом. Она женщина отца? Разве так бывает? Но боже, до чего хороша!

– Адочка, милая, счастлив тебя видеть! Выглядишь потрясающе! Вот, познакомься, это мой сын, Данила.

Она протянула ему руку. Он не знал, что делать – пожать или поцеловать? Поцелую! Хоть руку! И он приложился к ее руке.

– О, а я вас узнала! – со смешком произнесла она.

– И немудрено! Его частенько показывают по телевизору!

– В самом деле? Но я крайне редко смотрю телевизор!

– Тогда как ты можешь его узнать?

– А я видела Данилу в одном кафе несколько месяцев назад.

– И запомнила?

– У меня превосходная память на лица, – с легкой усмешкой проговорила Ариадна.

– Я тоже вас запомнил. Такое лицо трудно забыть.

– О! У тебя хороший вкус, сынок! Ты небось пялился на Аду…

– Пялился! – решительно заявил Данила. – И сейчас буду пялиться! Вы просто неприлично красивы!

– Блеск! – хлопнул в ладоши отец. – Дивный комплимент! Ну, что будем пить?

Данила смотрел в меню, боясь поднять глаза на Ариадну. Оказывается, у нее темные волосы. Никаких повязок на голове, просто туго затянутые в узел гладкие волосы. И огромные синие глаза. Чудо! И она женщина отца? Чудовищно! Да почему? Отец – свободный человек, а я женат… А даже был бы я свободен? Отец – знаменитый композитор, а я рядовой корреспондент. Кусок не лез ему в горло, а Ариадна ела с аппетитом.

– Данила, вам не нравится? – спросила она.

– Просто нет аппетита. Папа так накормил меня за обедом…

– Да, Андрей отменный кулинар. Но все же советую вам попробовать…

– Да, да, непременно.

Возьми себя в руки, кретин! – приказал он себе. – Ты просто смешон, она воспринимает тебя как глупого щенка.

Ариадна извинилась и направилась в дамскую комнату.

– Что, сынок? Завидки берут?

– Ты о чем?

– Ослепительная женщина, да?

– Да, очень красивая, но уже не молода.

– Да ты что! Совсем еще зеленая, как тот виноград…

– Она твоя женщина?

– Ну, у меня нет одной постоянной женщины. Хотя должен признаться, что если бы она согласилась, я бы на ней, пожалуй, женился.

– А она, значит, не соглашается?

– Нет!

– Чем мотивирует?

– Тем, что дважды была замужем и наступать на те же грабли не желает.

– А я не помешаю вам слиться в экстазе?

– Ты чего бесишься, сын? Тебе тут ничего не светит, а слиться в экстазе нам никто помешать не сможет, заруби себе это на носу! – шутливо произнес отец, но Данила понял, что его поставили на место.

– Извини, папа, я, видно, перебрал…

Как странно, до чего же прелестный парень этот Данила. Какой-то чистый, несмотря на такую профессию… А Андрей на другой день все допытывался, нравится ли мне его сын. Смешно, ей-богу. Парень недавно женился, и к тому же он сын моего любовника… Этот вариант совершенно не для меня. Категорически! Я запомнила его. Он так смотрел на меня в кафе, и этот его взгляд, как это ни дико, придал мне уверенности, а эта уверенность помогла мне

в сложных переговорах с режиссером, вздорным и неумным, и я все-таки смогла настоять на своем. Благодаря восторженным глазам этого парня. Он мне понравился. Молодой, горячий и какой-то настоящий. В моем мире практически нет настоящих мужчин. А что такое мой мир – богема. В этом мире все особи мужского пола зациклены на себе, на своих комплексах и в большинстве своем начисто лишены каких-то нравственных представлений. Хотя у мужиков вообще с этим плохо. Вот тот же Данила при всех его прекрасных качествах… Да помани я его пальцем, побежит, забыв и о жене и об отце. А вдруг не побежит? Но я не стану его испытывать. Да и зачем? Какое мне дело до этого парня? Хотя я ему благодарна за две вещи – во-первых, за тот взгляд, а во-вторых, при нем я вдруг поняла, что, кажется, больше не люблю Андрея. А я любила его? Я восхищаюсь его талантом, он чудесный собеседник, очаровательный человек, но… Все куда-то ушло. И меня уже не волнуют его прикосновения, как раньше. Я не стану демонстративно рвать отношения, мне не за что его обижать, но вот через несколько дней вернусь в Москву и постепенно сведу все на нет. И дело вовсе не в его сыне. Нет. Просто этот роман себя изжил. А в Москве сейчас будет очень много работы. И это лучше всего.

Илона пришла в восторг от чемодана и от сумки тоже, а уж когда узнала, что у них теперь будет БМВ…

– И ты мне отдашь свою «шкоду»?

– Конечно! Зачем мне две машины?

– Класс! Но когда ты будешь в командировке, мне можно будет иногда ездить на твоей «бэхе»?

– Зачем? Для понта?

– Конечно! И потом, это ведь подарок к нашей свадьбе, как бы общий…

– А, понял. Езди, но до первой аварии. Если хоть слегка поцарапаешь ее, больше не получишь, договорились?

– Да! Но ты же знаешь, как осторожно я езжу.

– Все! Договорились!

Данила заехал к матери, та просила его помочь подключить и настроить новый телевизор. Мужу она в таких делах не доверяла. Данила быстро справился с задачей.

– Вот спасибо, Данька! И в кого ты такой технически подкованный? Точно не в меня и не в отца.

– Ну, мама, раз не в мать, не в отца, то только ты можешь знать, кто был тот прохожий молодец!

– Ну и шуточки у тебя! Какие-то казарменные!

– Ой, мамуля, у тебя странные представления о казарменных шутках! – фыркнул Данила.

– Воображаю!

– Твоего интеллигентского воображения не хватит! – рассмеялся он.

– Есть хочешь?

– Хочу, мамочка, очень хочу!

– Ты был у отца?

– Был.

– И как он там?

– Цветет!

– Есть какая-нибудь юная красотка?

– Есть. Только не юная, и не красотка, а потрясающая красавица под сорок лет.

– Странно. Немка?

– Да нет, русская, живет в Москве, в Берлине была в командировке, мы вместе отмечали его день рождения. Отец сказал, что женился бы на ней, только она не хочет.

– Обалдеть! Это что, любовь?

– Да откуда я знаю!

С одной стороны, Даниле безумно хотелось говорить об Ариадне, но он боялся выдать себя. Эта женщина стала наваждением.

– А кто она по профессии?

– Мам, почему ты так ею интересуешься?

– Просто так, из любопытства.

– Она театральный художник по костюмам. Кажется, весьма успешный.

– А как ее звать?

– Ариадна.

– А фамилия?

– Не знаю! Не спрашивал! – пришел в раздражение Данила.

– Данька, ты чего? Постой, уж не та ли это Ариадна, о которой ты мне когда-то говорил? – Мать вдруг положила руку ему на руку и пристально посмотрела в глаза. – Данька, нешто ты влюбился в эту женщину?

– Что за бред? – закричал он.

– А она обратила на тебя внимание?

– Мама! О чем ты?

– Данька, ты мой единственный сын, я знаю тебя как облупленного, так неужели я могу не заметить такое?

– Все, я пошел!

– Сядь, дурачок! Кому ж рассказать, если не маме?

– Что рассказать? Что? Все, что знал, все рассказал, а если ты себе что-то придумала, я не виноват!

– А ее фамилия не Замчевская часом?

– Откуда ты знаешь? – вдруг охрип он.

– Просто я знала ее мать. Мы работали вместе в «Огоньке». И я многое знаю об этой женщине. Она и в самом деле была невероятно красивая. Но какая-то невезучая. Говоришь, в профессии она состоялась? Я рада.

– А в чем ее невезучесть? – дрожащим голосом спросил Данила.

Ой, мне это не нравится, подумала Инна Львовна. Мальчик недавно женился, Илона хорошая девочка, подходит ему…

– А зачем тебе знать подробности ее биографии, если тебе на нее наплевать?

– Да, пожалуй, незачем. Спасибо, мама, все было вкусно. Я, наверное, поеду уже?

– Ну, езжай! И привет Илонке! Не обижай ее!

– А я разве обижаю? Она что, жаловалась тебе?

– Да никогда! Это просто был материнский наказ!

– А! Понял!

…Данила сел в свою «бэху», которую успел нежно полюбить, и подумал: кольцо сжимается, она оказалась любовницей отца, дочерью маминой коллеги, это уже сродни неизбежности… Чудовищно!

– Дань, я, кажется, нашла мясоедку для Федора! – заявила Илона за ужином.

– Да ты что! – рассмеялся Данила. – Что за кадр?

– Новенькая у нас, младший редактор. Зовут Тоней, хорошенькая, славная, веселая. И обожает мясо! И колбасу.

– А у нее что, нет своего парня?

– Недавно расстались. Он вегетарианец, понимаешь?

– Из-за любви к мясу расстались?

– Похоже на то.

– Здорово! Надо знакомить, а то жалко Федьку.

– Звони ему!

– Нет, я завтра его увижу, а то, мало ли, вдруг там рядом его веганка…

На другой день Данила сообщил Федору, что есть для него девушка.

– Во т, глянь, Илонка даже сняла ее на телефон.

– Ох, черт, я же сегодня утром нашел телефон. Сунул в карман и забыл. Надо бы поискать хозяйку.

– А может, хозяина?

– Да ну, явно бабская штучка. Дай-ка посмотрю, что за девушка. А что, хорошая, мне нравится! Милая и без особых понтов вроде бы. Давай, знакомь! А то я свою послал… Достали травоядные!

Друзья рассмеялись. Они сидели в буфете телецентра. Обсуждали предстоящую на следующей неделе командировку в Афганистан.

– Мне еще, кровь из носу, надо смотаться в Иркутск, у бати шестьдесят пять лет… так что сватовство после Афгана.

– Когда летишь?

– Завтра утром. А возвращаюсь через три дня. Батя обещал медвежатиной накормить.

– Никогда не пробовал. Вкусно?

– Если уметь готовить. А батя умеет.

– Да, человека, выросшего на медвежатине, салатиками не накормишь!

– Это уж точно! Ой, опять забыл! – Федор вытащил из кармана изящный телефон.

– Да, и вправду бабский. Кому звонишь-то?

– Да хозяйке-растяпе. Тут в записной книжке есть строчка «Дом». Но там никто не подходит. Дань, будь другом, возьми и попробуй дозвониться.

– Давай! Погоди, это, кажется, Роналду нашел телефон, вернул и влюбился в девушку?

– А ты женат!

– И вообще это будет не в счет. Телефон-то нашел ты! А я отдам его Илонке, пусть дозванивается, мне некогда.

– Тоже правильно.

Вечером Данила и вправду отдал телефон жене, объяснив, в чем дело. И напрочь об этом забыл.

Через два дня Илона сказала:

– Дань, я дозвонилась до той женщины.

– До какой?

– Ну, до хозяйки телефона. Она так благодарила! Ты сможешь завтра забросить ей? Тебе по дороге, а она болеет. Она живет на Смоленской набережной.

– Ладно, будем благодетелями до конца!

Утром он заехал во двор огромного дома на Смоленской набережной. Достал телефон и позвонил, обругав мысленно жену за то, что та не узнала имени-отчества хозяйки телефона.

– Здравствуйте, я привез ваш телефон.

– Спасибо огромное, я сейчас спущусь.

Голос у женщины был простуженный.

– Но вы, похоже, нездоровы, давайте я поднимусь.

– Спасибо, вы очень любезны. Восьмой этаж.

Он вбежал в подъезд. Лифт стоял внизу. Он поднялся на восьмой этаж. Двери лифта разъехались.

– Вы? Это вы? – ахнул он. Перед ним стояла Ариадна. Бледная, в теплом халате, с замотанным горлом. Но от этого не менее прекрасная.

– Боже мой, Данила! Это вы нашли мой телефон? С ума сойти! Да, бывает… Может, зайдете? Хотите кофе?

– Я бы с радостью, но… Время поджимает… – потрясенно бормотал Данила.

– Спасибо вам еще раз. У меня в телефоне практически все контакты…

– А давайте будем считать, что вы мне задолжали чашку кофе! – вдруг осмелел он.

– И когда я должна буду отдать долг? – хрипло засмеялась она.

– А можно я вам позвоню?

– Разумеется.

– Хорошо. Спасибо. Вы, даже несмотря на все это… на халат, повязку… самая красивая женщина в мире.

– Ого!

– Да. Я раньше считал, что самая красивая женщина – это Мария Феликс…

– Мария Феликс? Разве люди вашего возраста знают Марию Феликс?

– Нет. Не знают. А я знаю. Люблю старое кино. Но вы еще лучше… Все. Я позвоню!

Он чувствовал, что еще две минуты с нею, и он окончательно потеряет голову. И так как лифт давно ушел, бегом бросился вниз.

В машине он даже не сразу смог включить зажигание. Дрожали руки. Что это? Это судьба! Не иначе! В четвертый раз она нас сталкивает. И ведь вроде бы телефон нашел Федька, дозвонилась ей Илонка, а в результате… И я завтра же позвоню ей и напрошусь на чашку кофе. Наверное, завтра она еще не выздоровеет окончательно, будет еще сидеть дома, а я куплю те сказочные пирожные, которые покупает мама. И цветы. Интересно, какие цветы она любит? Розы? Их вроде все любят… Именно, что все, а она не все. Ладно, куплю тюльпаны, белые тюльпаны. Ей они пойдут… Идиот, ты что, на свидание собираешься? А почем у бы и нет? Она женщина отца? Ну и что? Он же когда-то давно увел у меня, семнадцатилетнего, мою девушку… А теперь я уведу его женщину… Стоп! Я, на минуточку, женат. Куда я могу увести Ариадну? Так я же фигурально… Не уведу, а отобью!

До чего славный парень! Но приглашать его домой не стоит. Если позвонит, позову в кафе. А то уж больно горяч. Но странно, что именно он нашел мой мобильник. В таком гигантском городе, как Москва. Невероятно. Но факт. Это ведь что-то значит… О, а позвоню-ка я Грете… Она в таких делах разбирается.

– Алло, Грета?

– Адка, что у тебя с голосом?

– Да простужена сильно. Скажи, ты сейчас можешь говорить?

– У тебя что-то случилось?

– Да как сказать… Не случилось, но… Нужен совет или, вернее, толкование одного странного совпадения.

– Да? Это по моей части! А хочешь, я сейчас к тебе приеду?

– Приезжай, буду рада.

Через полтора часа Грета позвонила в дверь.

– Ой, Адка, что за вид! Будем пить кофе с пирожными и болтать… Ну, что у тебя стряслось?

– Странная история… Помнишь, несколько месяцев назад мне предложили оформить балет «Синяя птица»?

– Помню, конечно. И что?

– Я этой идеей загорелась… там такие возможности… И жутко волновалась перед встречей с режиссером спектакля. У него неважная репутация, он и впрямь оказался довольно тупым… Я приехала к театру заранее и зашла в кафе выпить кофе и дождаться условленного часа. А там сидела пара, совершенно очаровательная девушка и молодой мужик, очень приятный…

– И он положил на тебя глаз?

– Да. Пялился просто неприлично. Девушка его одергивала, он отводил глаза… Знаешь, на меня частенько смотрят, но мне почему-то было приятно. Потом я позвонила этому режиссеру и ушла. По дороге я подумала: восторженный взгляд этого парня принесет мне удачу. И в самом деле.

– Он тебя нашел, этот парень?

– Погоди, слушай дальше! Через какое-то время я приехала в Берлин…

– А в Берлине Кульчицкий, так?

– Так. Но я поехала не из-за него. Там ставят «Любовь к трем апельсинам» с моими костюмами. И так совпало, что я приехала как раз ко дню рождения Андрея, позвонила поздравить, а он позвал меня в ресторан отметить, как он выразился, «полукруглую дату». И там был его сын.

– Опа! Его сын оказался тем самым парнем?

– Именно!

– Ох, Адка! До чего пикантно!

– Брось! Меня это напрягло. Причем парень сказал, что я просто неприлично красивая… Андрей вроде бы смеялся, но, когда мы остались наедине, я поняла, что он здорово ревнует.

– А как зовут парня?

– Данила.

– Погоди, а он не военный корреспондент на канале «Супер»?

– Именно.

– Ух ты! Потрясающий малый! Такой мужественный, и репортажи у него всегда небанальные… И улыбка такая сексуальная…

– У меня нет этого канала.

– Так позаботься, чтобы был!

– Зачем?

– Но ты ведь тоже на него запала?

– Да нет! И вообще, послушай сначала.

– Ладно. Внимаю!

– Я там, в Берлине, совершенно независимо от Данилы, вдруг поняла, что мой роман с Андреем себя изжил.

– Так уж и независимо?

– Да абсолютно!

– Ну, допустим. Дальше что?

– А дальше… Я и думать об этом Даниле забыла. А на днях я потеряла телефон. И была просто в отчаянии…

– Постой, ты хочешь сказать, что его нашел Данила?

– По-видимому, нет. Мне позвонила какая-то девушка и, узнав, что я больна, предложила, что телефон мне завезет ее муж.

– И явился этот Данила?

– Именно! А я встретила его вот в таком виде. Но он все равно сказал…

– Что он такое сказал?

– Что раньше считал самой красивой женщиной в мире Марию Феликс, а теперь считает меня…

– Мария Феликс? Это кто?

– Мексиканская кинозвезда пятидесятых годов. И вправду фантастически красивая.

– А ты что?

– А я предложила ему чашку кофе. Но он спешил.

– И это все?

– Он на прощание сказал, что я задолжала ему чашку кофе и он будет звонить.

– Теперь все?

– Теперь все!

– Да, история неслабая. И что думаешь делать, когда он позвонит?

– Приглашу его в кафе.

– Почему так сурово?

– Потому что не хочу от него ничего.

– Уверена?

– На все сто. Зачем мне парень, который почти на семь лет моложе меня? Это раз. Сын моего любовника. Это два. И наконец, он женат.

– Но он тебя взволновал!

– Не он, а цепь совпадений. Да, он еще говорил, что видел меня в Милане. Я его тогда не заметила.

– Понимаешь, Адка, тут уже попахивает неизбежностью. Одна или даже две встречи – это можно счесть просто совпадением, но четыре… Он, скорее всего, твой суженый, которого конем не объедешь.

– Какой суженый? Мальчишка!

– Тебе тридцать девять, ему тридцать два, это чепуха! В наше время крутят любовь и даже выходят замуж за парней лет на тридцать моложе…

– Не мой вариант.

– Да знаю, ты старичков любишь.

– Почему старичков? Просто мужчины, которые старше меня, мне интереснее. Только и всего.

– И все-таки это неспроста. Сама прикинь – в таком мегаполисе, как Москва, твой телефон попал именно к нему в руки, не говоря уж обо всем остальном. Слушай, а он давно женат?

– Да нет, может, полгода или даже меньше. Но какое это имеет значение? Я с женатыми в принципе никаких дел не имею.

– А он, я уверена, сразу разведется, если ты только пальцем его поманишь.

– Я не поманю.

– Железная леди! Но если так, какого черта ты меня вытребовала?

– Надо было выговориться… Обсудить…

– Странная ты все-таки баба, при такой красоте, таланте и обаянии живешь одна. Уж какие мужики вокруг тебя вьются…

Ариадна беспомощно улыбнулась.

– Понимаешь, мне главное – самой любить. А не получается. Наверное, мне это просто не дано.

– Ага! А Кондрат?

– О! Когда это было. И видимо, тогда все выгорело, – тяжело вздохнула Ариадна.

– Господи, Адка, неужели ты до сих пор его любишь?

– Нет. Некого любить. Он ведь для меня уже фантом…

– Слушай, а ты в соцсетях его не искала?

– Господи, зачем? У меня, знаешь ли, есть гордость, и у меня на соцсети аллергия. Тошнит.

– А я вот искала!

– Кого? Кондрата?

– И Кондрата, и Юрия Кондратовича.

– И что?

– Его следы затерялись уж лет пятнадцать назад. Может, умер?
Или снаркоманился? Среда уж больно к этому располагающая. Музыкальная карьера не задалась, а она таки не задалась, хотя поначалу их группа имела успех. А ты хотела бы его увидеть?

– Не знаю. Страшно. Ему ведь уже пятьдесят. Кто знает, как он стареет… Нет, пусть лучше останется в памяти таким, каким я его любила.

Грета пристально смотрела на подругу.

– А ведь тебе до сих пор больно.

– Больно. Он был моим мужем… И он меня бросил. А я его любила.

– Тогда почему не уехала с ним?

– Он меня не звал, к тому же я просто не могу жить вне Москвы.

– Да уж, чего тебе только ни предлагали. И виллу на Лазурном Берегу, и шале в Швейцарии… Дура ты, Адка, как есть дура. Ну заведи ты роман с этим Данилой, тем более говоришь, что с его папашей все перегорело.

– Да никогда особенно и не горело.

– Ой, не надо врать!

– Нет, я была даже в него влюблена… Он такой очаровательный человек, очень талантливый, образованный, интересный.

– И для тебя достаточно старый.

– И это тоже, – засмеялась Ариадна.

Зазвонил домашний телефон. Женщины вздрогнули. В наше время домашний телефон уже почти анахронизм.

– Алло! – сняла трубку Ариадна.

– Привет! Это Данила!

– Данила? Что-то случилось?

Грета навострила ушки.

– Вас долг не мучает?

– Пока нет. Слишком мало времени прошло.

– Но вы не забыли?

– Нет. Я честная женщина.

– Я понимаю, вы сошлетесь на свою болезнь, а потом позовете меня в кафе. Но меня такой вариант не устроит, тем более что послезавтра я улетаю в командировку. Поэтому даю вам два часа на то, чтобы привести себя в порядок, и приеду. Возражения не принимаются! Какие пирожные вы любите?

– Эклеры, – ответила совершенно сбитая с толку Ариадна.

– Отлично. Я тоже люблю эклеры! До скорого!

И он повесил трубку.

– Наглец! – проговорила Ариадна.

– В чем дело?

Ариадна передала подруге слова Данилы.

– Ничего себе напор! Молодец парень!

– Да я его и на порог не пущу!

– Пустишь! И на порог, и в койку!

– Еще чего!

– Он сказал, что улетает в командировку?

– Да. Ну и что?

– А ты знаешь, куда он летает? В самые горячие точки. Там опасно. А если его там ранят или, не дай бог, убьют, виновата будешь ты!

– Я? С какой это стати?

– Да мысли у парня будут не те…

– Ну, если я его пущу, то уж тем более. Глупости все! Нельзя даже думать о таких вещах.

– Все, я пошла! А ты приведи себя в божеский вид и не разочаровывай парня!

– Грета, пожалуйста, останься! Пусть поймет, что, если ты не слушаешь собеседника, может случиться облом. Он же мне слова вставить не дал. Приеду, и все! А у меня тут подруга!

– Ой, мамочки, тебе что, тринадцать лет? Не могу слушать эту ахинею! Я ушла! Завтра позвоню!

Она и в самом деле ушла. А Ариадне вдруг стало страшно. Да чего я боюсь, идиотка? Надо вести себя с ним как старшая сестра… Мило, мягко, но без малейшей фамильярности. Он, видно, решил взять меня нахрапом. Но, скорее всего, сам боится. Дурачок! Не бросится же он на меня с порога? А я умею справляться с назойливыми кавалерами.

И она отправилась в ванную. Приняла душ, причесалась. Надела джинсы, светло-бежевый свитер, заколола волосы в пучок. Вид достаточно строгий. Выгляжу не ахти, но я ведь простужена. Да оно и к лучшему. А я, кажется, волнуюсь? С чего бы это? Она подошла к окну. Андрей подарил сыну черный БМВ. Но во двор въехало такси, из которого выскочил Данила с какими-то цветами и большим пакетом.

– О господи! – пробормотала Ариадна. – Зачем? Я не хочу!

– Ариадна, я… Вот тут пирожные и сыр… Я не знаю, вы любите с плесенью? А тюльпаны?

Он совал ей в руки свои подношения, глаза его лихорадочно блестели.

– Данила, вы что, выпили?

– Две рюмки коньяку. Для храбрости! Вы сердитесь?

– Да нет… ладно, заходите, ботинки не вздумайте снимать! И проходите на кухню.

– А руки можно помыть?

– Это можно. Вон та дверь!

Какой забавный! Пожалуй, можно его не опасаться.

Она заварила кофе. Он смущенно топтался в дверях кухни.

– Садитесь, Даня.

– Ох, спасибо! Я боялся, что вы меня прогоните. Можно я сразу скажу, а то меня разорвет!

– Даже так? Ну что ж, говорите!

– Ариадна, я… я все понимаю… весь бред сложившейся ситуации. Вы и мой отец… И вообще… Но я буквально схожу с ума… Вы мне снитесь, везде мерещитесь… Я вчера ехал на машине, и мне показалось, что вы идете по тротуару. Я затормозил, закричал… Это были не вы. Наверное, это любовь? Со мной никогда ничего подобного не было. Я люблю вас, Ариадна! Я из-за вас попал в лабиринт, а вы мне ниточку не дали… Как мне выбраться?

– Ох, до чего образно. Но в этом лабиринте нет Минотавра.

– А я в этом не уверен.

– Что вы имеете в виду?

– Любого другого мужика…

– Данила!

– Простите! Но я умираю от ревности!

– К кому?

– Ну, для начала к отцу.

– О господи! Не заставляйте меня пожалеть, что я вас впустила.

– Простите. Я сам не знаю, что плету, я при вас просто дурею.

– Чем дуреть, пейте лучше кофе. Настоящий бразильский. Мне привезли из Сан-Паулу.

– Кто?

– Что кто?

– Кто привез?

– А вам не все равно?

– Это первый Минотавр? Или имя им легион?

– Что вы себе позволяете?

– Простите!

– Знаете, Данила, давайте говорить откровенно.

– Я с вами предельно откровенен.

– Попробую ответить вам тем же. Я понимаю, я вам понравилась, потом ряд совпадений, и вы решили, что это некое предопределение. Вы романтичный мальчик…

– Я не мальчик!

– Для меня вы мальчик! Так вот: я никогда не имею дел с мужчинами младше себя, это раз, с женатыми мужчинами, это два, и уж тем более не буду связываться с сыном моего любовника. Я все сказала.

Он засмеялся.

– Почему вы смеетесь?

– Потому что все принципы сущая чепуха, когда речь идет о любви. А я вас люблю.

– Но я-то вас не люблю.

– У вас есть коньяк?

– Есть. Но я вам не дам.

– Ничего мне давать не хотите? А вам совсем не любопытно сравнить отца и сына в постели?

– Убирайтесь отсюда, пошляк!

– Нет. Я не уйду. Понимаете, я просто не могу перестать смотреть на вас. Знаете, у Ренуара есть «Девушка с веером»?

– У него их несколько.

– Ну, такая черненькая, с челочкой… Я вот на нее могу смотреть часами. А на вас сутками. Вот, у меня тут есть ваш портрет… в телефоне. Я при первой возможности на него смотрю…

– Вероятно, в юности у вас не было безответной любви. Теперь будет. Но это пройдет, уверяю вас. А теперь ступайте домой, к жене. Вы мне все сказали, я вам тоже. Аудиенция окончена.

– Знаете, я военный человек… служил в десантуре, мотаюсь по горячим точкам и знаю – есть много способов взять намеченную цель: налет, осада…

– Скажите еще, бомбардировки!

– И бомбардировки! Цветами, письмами, эклерами…

Она фыркнула.

– Скажите еще, тухлыми помидорами!

– О нет!

Он вдруг бухнулся перед ней на колени.

– Встаньте немедленно! И уходите.

– Хотите, чтобы я ушел?

– Жажду!

– Хорошо, но за выкуп!

– Какой еще выкуп?

– Вы позволите мне себя поцеловать.

– Да ни за что!

– Тогда я останусь.

– Я позову на помощь!

– Кого? Полицию?

– Зачем? Соседей!

В этот момент раздался звонок в дверь.

Слава богу, кто-то пришел!

Она пошла открывать. Час от часу не легче. На пороге стоял ее сосед с шестого этажа, знаменитый артист и красавец Александр Тимохин.

– Богиня, впустишь?

Он был подшофе.

– Заходи!

– О, как ты великодушна! Ты не одна? Это что, соперник? Надеюсь, не счастливый? А, парень, ты тоже увяз в ее паутине? Сочувствую. Будем знакомы. Саша!

– Привет, Даня!

– Мне твоя рожа знакома, но ты не артист, да? Погоди, ты Кульчицкий?

– Факт.

– Слушай, а тебе не страшно там… на передних рубежах?

– Бывает и страшно.

– Но ты молодец! Тебя всегда интересно слушать. Ариадна, знаешь, это крутой чел! Да, я вот зачем пришел… Я знаешь кого видел в Испании? Кондрата!

– Что?

– Ага! Побледнела! Он старый стал, но еще эффектный! Загорелый.

– Где ты его видел, Саша?

– Да на пляже. Он был с какой-то девушкой. Хорошенькая, но тебе в подметки не годится.

– Ты говорил с ним?

– Да нет. С какой стати? Я же с ним не знаком.

– А ты уверен, что это был он?

– Еще бы! Я же был его фанатом. Богиня, дай коньячку, я знаю, у тебя есть.

– Послушайте, ребята, я больна, плохо себя чувствую, шли бы вы подобру-поздорову!

– Дай коньяку, и мы уйдем! Пошли ко мне, Данила! Но у меня выпить нечего.

Ариадна в крайнем раздражении вынула из буфета бутылку коньяка и сунула в руки Тимохину.

– Вот! Берите и валите отсюда!

Они ушли. Едва выйдя на площадку, Данила спросил:

– А кто такой Кондрат?

– Молодой, уже не знаешь! Был такой известный рок-музыкант в свое время. Ее первый муж. Говорят, она без памяти его любила. А он со своей группой свалил в Америку и сгинул. Группа быстро распалась, кто-то из ребят вернулся, а Кондрат затерялся.

– Кондрат? Это имя?

– Сценическое. На самом деле он Юрий Кондратович. Слушай, пошли ко мне, выпьем маленько.

– А пошли! – согласился Данила в надежде что-то еще узнать об Ариадне.

А она сидела в полном изнеможении.

Зазвонил телефон.

– Слушай, богиня, я забыл, я же снял Кондрата на телефон. Хочешь взглянуть?

– Да, хочу, – после некоторой паузы проговорила Ариадна.

– Хочешь, получишь! Все, пока!

И через две минуты ее телефон возвестил о приходе сообщения.

Ой, как страшно! Она медлила, не открывала. А чего я боюсь? Увидеть старика, пропитого или молодящегося? Хотя какой он старик? Он на пять лет моложе Андрея, а тот совсем не выглядит стариком… Нет, сейчас не буду смотреть. Я сейчас слишком сердита и на Данилу, и на Сашку. Раздражена. Надо сперва успокоиться… Но… Или я боюсь увидеть его рядом с молоденькой девчонкой? Выпить бы сейчас, но я отдала коньяк Сашке. Дура. О, у меня же есть водка! Она налила себе полстакана водки, выпила одним махом, сморщилась, перевела дух. И наконец открыла присланные фотографии. Мужчина на фото отдаленно напоминал Кондрата, но это был не он! Похож, тот же тип, но не он! Господи, зачем мне все это? Он и думать обо мне забыл. Если он вообще жив. А зачем он мне? Большая часть жизни прошла без него. Он небось и не помнит шестнадцатилетнюю дурочку, которая все бросила, пошла за ним, служила верой и правдой, сходила с ума, ну еще бы… Он был на десять лет старше, красив как бог, знаменитый рок-музыкант, вокруг тучи девчонок, а он выбрал меня! Правда, потом выяснилось, что кроме меня многие удостоились его внимания… Он не скрывал от меня своих похождений, но всегда твердил, что любит только меня. А мне так хотелось верить… Я забеременела, он считал, что нам рано думать о ребенке, мы были плохо устроены. Я сделала аборт и навсегда лишилась возможности иметь детей. Но мне было семнадцать, я сходила с ума от любви. Я почему-то уверена, что он жив… Чувствую. Ну, а мне-то что?

Она еще раз всмотрелась в фотографии. Смешно. Это не он. И вдруг от выпитой водки, от всех волнений сегодняшнего дня ее охватила ярость. Она выбежала из квартиры и помчалась вниз по лестнице. Позвонила в дверь. Открыл Сашка.

– Богиня! Ты чего?

Она, захлебываясь слезами, стала колотить его кулачками в грудь.

– Дурак! Дурак! Зачем ты? Это не он! Понимаешь, не он!

– Успокойся, ради бога! Как не он?

– Так! Не он!

– Неужто ошибся? Ну извини, подруга! А ты чего разбуянилась?

В прихожую выскочил Данила, уже изрядно захмелевший.

– Что случилось? Что с вами? Почему вы плачете?

– Потому что… это не он! Не он! – рыдала она.

– У нее истерика, – шепнул ему Александр. – Жалко ее… Адочка, пойдем, приляжешь тут на диванчике, поспишь полчасика, и все пройдет! Ты что пила?

– Водку, – всхлипнула она. – Ладно, я пойду, извини, Сашка…

– Я вас провожу, – вызвался Данила, мигом протрезвевший. – И мне уже пора…

– Куда ты пьяный? Заметут!

– Я на такси.

– Ладно, Данила, ты классный парень! Заходи, звони! Вот тебе моя визитка. Если захочешь в театр, звони!

– Спасибо, Саш! – сердечно поблагодарил он известного артиста. – При случае – непременно позвоню! Ариадна, идемте!

– Куда?

– Домой вас отведу!

– Я сама! Мне никто не нужен!

– Верю. Но у вас осталась моя куртка. И телефон. Я без него как без рук, уж извините.

Данила бережно обнял обмякшую Ариадну, вызвал лифт. Она вдруг совсем ослабла, еле держалась на ногах. Он почти внес ее в лифт. Она уткнулась лицом

ему в грудь. Ее плечи вздрагивали. Куда девалась роскошная неприступная красавица?

– Где ключи? – спросил он.

– Не помню.

Он толкнул дверь, она была открыта.

– Сумасшедшая женщина, разве так можно?

Он опустил ее на стул в прихожей. Она вдруг подняла к нему свои невозможные глаза, полные слез.

– Скажи, мальчик, ты и вправду меня любишь?

– Я вам уже все сказал. А сейчас вам надо лечь.

– Знаешь, они все ко мне лезут… Хотят, но никто не любит… И отец твой, и другие… А ты, кажется, и вправду…

– Я вправду! Но вы сейчас пьяная. Я так не хочу. Я послезавтра улетаю, а вернусь, тогда и поговорим о любви. Идет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ekaterina-vilmont/fig-li-nam-krasivym-damam-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить